ДЕВУШКИ НЕ

Надежда Нелидова

Женщина в жутких розочках

Серия «Девушки не первой свежести», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18169982
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

«Странная женщина, странная», – поёт певец. Это про них, моих женщин. Унылые возрастные тётки с авоськами, с далёкой от модельных параметров внешностью, они то и дело попадают в нелепые ситуации. Кто догадается, что под старомодными шляпками и крепдешиновыми платьями прячутся трепетные благоухающие розы, готовые щедро окутать избранника нежным ароматом любви?

Содержание

ДЕКАБРИСТКА 4
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Надежда Нелидова
ЖЕНЩИНА В ЖУТКИХ РОЗОЧКАХ

ДЕКАБРИСТКА

Мне идёт жёлтый цвет: насыщенный – зрелого одуванчика, нежный – только вылупившегося цыплёнка, золотистый – болотной купальницы. Но упаси бог надеть что-нибудь жёлтое из гардероба на приём в больницу. Хмуро-усталые врачи, заполняя бумаги, вдруг оживляются при виде жёлтого цвета.

– Желтухой болели?

Благодаря одуванчиково-цыплячьей кофточке я познакомилась с мужем. Он работает терапевтом в поликлинике, ведёт наш участок. Моя жёлтая кофточка также навеяла ему смутные ассоциации. Он вскинул набрякшие от писанины, озарённые, спохватившиеся глаза:

– Желтухой болели?

Это была последняя капля. Глядя в его глаза, я отчеканила:

– Да. Я люблю жёлтый цвет. И что из того? При чём тут желтуха? Что у вас, у врачей, за странная логика? Вы все сговорились, что ли?

– То есть записываем: пациентка желтухой переболела, – невозмутимо подытожил лысоватый терапевт Павел Сергеич – так извещала визитка на халате.

– Я в жизни не болела желтухой! – взорвалась я.

– Но вы сами только что сказали «да»… Вот медсестра подтвердит.

– Я сказала «да», что люблю жёлтый цвет, что…

– Не знаю насчёт желтухи, но нервишки у вас шалят. Успокоительное вам точно не помешает.

– Да как вы смеете меня оскорблять?!

И так далее. Эпизод, начавшийся столь малосодержательным диалогом в терапевтическом кабинете, через месяц закончился торжественной регистрацией в районном загсе. За спиной сорокалетнего лысого жениха смахивала счастливые слёзы его мама Екатерина Семёновна.

Месяц назад мы официально познакомились с будущей свекровью. В принципе понравились друг другу и даже расцеловались на прощание. Писклявым умильным голосом и подвижным носом-пятачком она походила на моего любимого мультипликационного поросёнка из «Винни Пуха».

Я застёгивала босоножки у двери, поджидая задерживавшегося в кухне Пашу. И вдруг услышала:

– Так не забудь, Павлик. Прежде чем подавать заявление, девочка должна принести справку из СПИД-центра, из психдиспансера: нет ли дурной наследственности, и от гинеколога насчёт бесплодия.

Перегородка между прихожей и кухней была тонкая, из гипсокартона. Я отчётливо слышала каждое слово.

Я могла застегнуть последние перепонки на босоножках, строптиво топнуть каблучком: ладно ли сидят – повернуться и уйти, хлопнув дверью. И моя жизнь круто повернула бы в совершенно иное русло.

Хотя, прямо скажем, к тридцати четырём годам осталось не так много свободных русел. Да и те заболотились, обмелели и забились илом, ветками и мусором. В мутной воде просматривались смутные очертания, похожие на утопленников.

Я осталась стоять у двери как приросшая. К чести Паши, он даже не заикнулся об обязательном наличии трёх справок перед свадьбой. Не знаю, какие домашние баталии ему пришлось вынести, но он похудел – это было видно по ещё более торчащим костистым ушам. И лысина слегка расширила свой ареал.

Более того: Паша отвоевал у мамы право на мальчишник. У Екатерины Семёновны страшное слово «мальчишник» ассоциировалось со стриптизёршами на столе и пьяной оргией. Стриптизёрши и оргия действительно были.

Но самым ярким впечатлением для Паши осталось проигранное им пари. На спор с подвыпившими друзьями он проехал в вечернем трамвае несколько остановок в чепчике и с пустышкой во рту. Пустышка была в форме мордочки Микки-Мауса.

Это мне безжалостно рассказал сам Паша. Мужчины, никогда, никогда не рассказывайте подобные вещи о себе новоиспечённым жёнам. А если рассказали, не удивляйтесь потом их охлаждению.

Моё охлаждение началось ещё до того, как Паша стал моим мужем. С подслушанных в прихожей строгих медицинских гарантий, требуемых Екатериной Семёновной. Я тогда не догадывалась, что, выходя замуж за Пашу, я официально выхожу замуж и за Екатерину Семёновну. Она шла с ним в комплекте.

Вы хотели бы противоестественно сожительствовать с 65-летней женщиной, которая совершенно точно знает, как устроен этот мир, и готова щедро ежеминутно по телефону и лично делиться жизненным опытом с невесткой?… А вот я сожительствую.

Хотя у нас отдельная квартира. Мы с Пашей объединили мою комнату и имеющиеся у Екатерины Семёновны на книжке накопления.

На новоселье она принесла огромную напольную глиняную свинью-копилку. На загривке у свиньи было написано: «Гость, не будь жмотом. Подай хозяевам на бумер». Копилку следовало установить в прихожей на видном месте у двери.

Первые слова, какие произнесла Екатерина Семёновна, озабоченно свесившись через перила нашего балкона на пятом этаже:

– Павлик, Леночка. Вам непременно нужно держать на балконе прочный канат. Думаю, метров двадцати до земли хватит.

– !!?

– Ах, Леночка, ты не смотришь новостную ленту. Сколько в городе происходит пожаров! Сколько семей на верхних этажах не могут спуститься по охваченным пламенем лестницам. В результате задыхаются и сгорают заживо. У Павлика ответственная работа (ещё бы: участковый терапевт оптимизированной районной поликлиники!). Так ты, Леночка, уж наведайся в хозяйственный.

Теперь на нашем балконе пылится бухта толстого волосатого колючего каната. Она похожа на свернувшегося в клубок дикобраза. Хвост дикобраза (конец каната) намертво морским узлом примотан к железным перилам.

Канат терпеливо ждёт своего часа. Когда глупые недальновидные соседи будут метаться в клубах огня и дыма, мы с Павликом просто перекинем его через перила и – вж-и-и-их! – с ветерком и комфортом съедем на газон. Вместе с предусмотрительно захваченными документами и ценными вещами («Которые, Леночка, на такой случай должны храниться вот в этом ящичке секретера»). Секретером Екатерина Семёновна называет шкаф-горку в спальне.

В комплекте с канатом прилагается две пары брезентовых рукавиц: чтобы не обжечь при съезде с балкона на землю ладони.

…– Леночка, неужели так трудно регулярно освобождать почтовый ящик от корреспонденции? – с порога мягко журит меня Екатерина Семёновна. Она сгружает сумки, полные

живыми витаминами: овощами и фруктами. – Газеты, журналы, платёжки торчат и прут из всех щелей вашей ячейки.

Я стараюсь отвечать ровным голосом. Я говорю, что только вчера отправила в мусоропровод килограмм глянцевой макулатуры. Но рекламные агенты не дремлют и тут же забивают ящик новыми проспектами и буклетами.

– Однако соседние ячейки пустуют, – с грустным достоинством парирует Екатерина Семёновна. – Хорошенько запомни, Леночка: переполненный почтовый ящик – это приманка Љ1 для домушников. Это зелёный свет, это разрешающий сигнал, это колокол, призывно бьющий и извещающий, что хозяев сто лет нет дома. Добро пожаловать в пустую квартиру, районные воришки и форточники.

– Но квартира не пустая. Мы сидим дома, – ровным голосом объясняю я.

– И воры обнаружат это, подобрав ключ к дверям, – Екатерина Семёновна торжествующе поднимает редкие бровки. – И ворам придётся устранить вас как нежелательных свидетелей, как досадную помеху. Не исключено, устранять будут с особой жестокостью.

Екатерина Семёновна опытный стратег и просматривает возможное развёртывание событий на три хода вперёд. С её фантазией писать бы детективные романы. Глядишь, свободного времени бы поубавилось и денежки к пенсии приросли.

Говорят: предупреждён – значит вооружён. Ещё говорят: пессимист – хорошо проинформированный оптимист. Екатерина Семёновна при всей информированности ухитряется оставаться восторженной оптимисткой.

Она шумно радуется выползшему из изюма червяку (значит, изюм не травленый), хрустнувшей в торте скорлупе (значит, кондитер использовал не яичный порошок, а живое яйцо). Особую радость вызывает заплесневевший кетчуп: значит, без консервантов!

В триллерах часто показывают: чтобы человек перетерпел боль (отрезают без наркоза конечность или делают другую какую-нибудь операцию на живом теле), ему дают закусить какой-нибудь подручный предмет. Палку, нож, ветку дерева, кусок резинового шланга, толстый карандаш, наконец. Бедняга отчаянно сжимает челюсти: карандаш и зубы скрежещут, ломаются, сыплются.

Когда у нас с Пашей предстоит секс, я также мысленно сильно-сильно стискиваю зубами воображаемый предмет. Я удивляюсь, как Паша не слышит моего скрежета зубовного. Эмаль крошится и осыпается на простыню.

– Леночка, что за студенческая привычка есть в постели? Всюду закаменелые крошки, – пеняет потом Екатерина Семёновна, встряхивая и внимательно просматривая на свет простыни. В квартире не осталось места, куда она не засунула бы свой любопытный пятачок.

«Я дико устала». «У меня нечеловечески болит голова». «У меня эти дни».

Скудный набор дежурных отговорок быстро иссяк. И однажды, глядя в близко наклонённое, сопящее от страсти Пашино лицо (до боли напоминающее рыльце Екатерины Семёновны) я отчётливо сказала в это лицо: «Нет». И упёрлась обеими руками в его грудь.

– Как же так, – заныл Паша. Он ещё не понял всей серьёзности происходящего.

– Хватит. Надоело. Отстань. Насовсем отстань.

У Паши был вид обиженного ребёнка. Мне его стало жалко, я решила его развеселить и растормошить. Приложила его ладонь к верхней точке его живота, к солнечному сплетению. Некоторые думают, там живёт душа. И спросила раздумчиво: «Слушай, а что, по анатомии, тут у человека находится? У меня это место всё болит и болит, ноет и ноет».

Я думала, он меня поймёт. Он вырвал руку и завизжал: «Не смей показывать на мне где болит, сколько можно повторять!» Паша суеверен, как все врачи.

Я думала, Паша будет бунтовать, скандалить, даже разведётся после моего решительного и окончательного отказа исполнять супружеский долг. А он… виновато смирился, как побитая собака. Решил, что проблема в нём самом, и тихо закомплексовал. Завёл пару эротических дисков и каждый вечер на пять минут запирается в своей комнате.

Дорогие жёны, если ваши мужья подозрительно уединяются у компьютера и, как на амбразуру, грудью бросаются на монитор, чтобы заслонить от вас стонущих белугами дебелых немок – возрадуйтесь и успокойтесь. Это стопроцентная гарантия, что они не бегают налево. Заводить женщину на стороне, поддерживать отношения, врать тут и там, изворачиваться… Это так хлопотно, утомительно, муторно – а мужчины так ленивы и инертны.

– Леночка, не стоит в дорогу надевать дорогие украшения. Даже выходя в магазин через улицу, с человеком может случиться несчастье. ДТП, например, или обморок. А нечистых на руку людей всегда хватает. Среди прохожих, в полиции, в скорой помощи. В морге, наконец. Под шумок снимут с беспомощного бесчувственного тела драгоценности, цепочки, кольца – и поди потом докажи. Вон в новостной ленте, были случаи…

Вообще-то, когда я буду в морге, мне будет плевать, кому достанется моя бижутерия.

Екатерина Семёновна зорко наблюдает, как я наряжаюсь перед зеркалом. Вдеваю в уши любимые длинные серьги с хризолитами, которые так идут к мои глазам. Надеваю на чёрный глухой свитер серебряную, тонкой вязи цепочку с кулоном-хризолитовым глазком. Натягиваю на палец тяжёлый перстень из чернёного серебра. Я должна выглядеть на все сто.

Чемодан уже собран. Я собираюсь не в магазин через улицу. Редакция командировала меня в далёкий сибирский город Н.

Я еду писать материал о самой что ни на есть настоящей прапрапра…внучке декабристки. Почти два века назад её юная прапрапра…бабка держалась прозрачными от холода руками (из овчинного тулупа высовывались венецианские кружева) за край тряской мужицкой телеги. В телеге метался в горячке, бряцая ржавыми кандалами, её муж-декабрист. Она перебирала субтильными ножками в тонких козловых башмачках, спотыкалась о мёрзлые комья глины…

С ума сойти: неужели я запросто встречусь с её потомком, легендарной старушкой? Буду дышать с ней одним воздухом, беседовать, засматривать в мутные катарактные глаза? Может, даже бережно – чтобы не рассыпалась в прах – трогать мумифицированную аристократическую лапку?

Неужели я, наконец, вырвусь из квартиры с волосатым канатом, Пашиным немецким порно и вездесущей Екатериной Семёновной?!

Н. – старинный купеческий город, тороватый, добротный, сдержанный, несколько угрюмый. Город-острог. Стоит, задумался и ждёт. Седой мшистый камень, красный кирпич, серый чугун и гранит. С набережной тянет сырым рыбьим ангарским воздухом. Тяжёлый грязный весенний снег лежит на обочинах мостовых.

Кажется, фонарщики вот-вот полезут на столбы тушить запотелые, смуглые от газовой копоти фонари. Вкусно зацокают по брусчатке копыта, зашуршат колёса пролёток с толстозадыми пахучими ваньками на облучках. Впрочем, пахнет от них приятно: кислой квашнёй, овчиной, сеном и тёплыми сладкими лошадиными яблоками.

Квартира декабристки меня не обманула. Арочные сводчатые потолки тонули в пятиметровой пыльной полутьме. Когда-то здесь был танцевальный зал. Позванивали хрустальные люстры в тысячи свечей. По вощёным, медовым янтарным полам молодецки прищёлкивали гусарские сапожки. Юлами раскачивались и кружились невесомые юбочные кисеи, боязливо летали ножки в остроносых атласных туфельках.

Потом зал перегородили на тесные пролетарские клетушки, забили фанерными комодами и койками с пахучим тряпьём, наполнили матюгами, угаром керосинок и чадом жареной рыбы и лука.

После войны перегородки сломали, вывезли десятки грузовиков хлама. Громадную коммуналку перестроили в просторные двух-и трёхкомнатные квартиры для номенклатуры.

В самой большой угловой квартире с башенкой жила моя декабристочка: на своё счастье забытая, некогда отпочковавшаяся, истончившаяся, поникшая веточка с вялой и томной, многажды, до прозрачности разбавленной прохладной голубой кровью.

Декабристка оказалась никакая не старушка, а моя ровесница. Свитер грубой вязки и джинсы. Бледная и сутуленькая, если не сказать горбатенькая – оттого что совершенно равнодушна к современным плебейским трендам. Она была выше всех этих повальных пошлых увлечений спа-салонами, тренажёрными залами, фитнес-клубами и соляриями.

У неё было детское лицо: носик уточкой и кроткие серо-голубые глаза – она походила на актрису Ирину Купченко. И звали её Ирина. А её мужа, добродушного голубоглазого золотобородого гиганта и красавца сибиряка звали Арсений.

Ирининых бабушку с дедушкой в начале перестройки поселил в этот частный музей-квартиру анонимный меценат. Оказываются, такие в природе ещё существуют: увы, не в России. Аноним-благотворитель руководил процессом из-за бугра, через адвокатов.

И со времён перестройки меценат спонсировал музей-квартиру. Держал оборону перед периодическими захватническими наскоками областного управления культуры. С буржуазной пунктуальностью и скупостью выплачивал Ирининым родителям, а потом и Ирине с Арсением ставки музейных смотрителей. На хлеб без икры хватало.

Квартира и без декораций была готова к съёмкам фильма о декабристах. Я беспрерывно щёлкала «сонькой». Тёмные в золотых ромбиках, засаленные обои. Протёртая на углах добела, до дыр бархатная скатерть с кистями. Светлый лунный поднос, крепко заваренный чай в старинных треснувших чашках. Чай из них следовало пить осторожно, чтобы не порезать губы.

Тяжёлые плиты альбомов. Распухшие папки с грязноватыми шнурками, с записями в фиолетовых кляксах и «ятях». Каждая страница упакована в тонкую папиросную бумагу: в уголки насыпались хрупкая жёлтая бумажная крошка.

Мне лично никогда не стать аристократкой. Можно вытащить девушку из деревни, но деревню из девушки – никогда.

Аристократизм – это высочайший уровень простоты и естественности. Я будто знала этих людей тысячу лет. С ними можно было говорить, говорить, говорить до бесконечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.